

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КОНЦЕПТА ЛЮБВИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ)

С. В. Мартинек

В статье анализируются особенности эмоционального восприятия концепта любовь по результатам ассоциативных экспериментов с носителями украинского и русского языков. Осуществляется попытка экспликации структуры данного концепта и его амбивалентности.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, концептуализация эмоций, экспликация амбивалентности

У статті аналізуються особливості емоційного сприйняття концепту любов за результатами асоціативних експериментів з носіями української та російської мов. Здійснюється спроба експлікації структури вказаного концепту та його амбівалентності.

Ключові слова: асоціативний експеримент, концептуалізація емоцій, експлікація амбівалентності

The author analyzes the peculiarities of emotional concept love on the basis of the results of the associative experiments incorporating the bearers of Ukrainian and Russian cultures in the article and tries to reveal the structure of the given concept and its ambivalence.

Key words: associative experiment, conceptualization of emotions, revealing ambivalence

Для лингвистики последних десятилетий характерен переход от изучения внешних языковых структур к глубинному исследованию языка как антропологического феномена. Кроме того, человек живет не изолированно, а в контексте определенной культуры, что многократно увеличивает сложность стоящих перед исследователем задач, на необходимость решения которых указывают ведущие ученые – представители самых различных направлений. Так, У. Эко пишет о проблеме, с которой «сталкиваются все гуманитарные науки, старающиеся вырваться из философского тупика, в котором человек сделался проблемой для самого себя, избрав темой речей свою собственную речь, свой вопрос, заданный бытию» [6, с. 366]; «исследование нарративных структур, – замечает он далее, – отсылает к социально-исторической обусловленности кодов» [6, с. 371]. А. Вежицкая, рассуждая о проблемах, которые возникают при изучении культурно-специфичных концептов, указывает на то, что мы, как исследователи, остаемся внутри определенной культуры и руководствуемся определенными принципами и идеалами, которые совсем не обязательно разделяются всеми представителями человеческой расы [6, с. 25].

Наивная психология составляет важную часть наивной картины мира, существующей в сознании носителей культуры [см.: 7, с. 10], в связи с чем изучение языковой концептуализации эмоций приобретает особое значение. Однако, как отмечает А. Вежицкая, «способ интерпретации людьми своих собственных эмоций зависит, по крайней мере до некоторой степени, от лексической сетки координат, которую дает им их родной язык» [3, с. 505]. Говоря о неуниверсальном характере так называемых базовых эмоций, А. Вежицкая указывает, что «эмоции не могут быть идентифицированы без помощи слов, а слова принадлежат какой-то одной конкретной культуре и приносят с собой культуроспецифичную точку зрения» [3, с. 523]. Поэтому особого интереса со стороны исследователей заслуживает не только общее, но и различное в языковой концептуализации эмоций.

Концепт *любви* заслуживает изучения как «один из самых фундаментальных культурных концептов» [1, с. 81]. Кроме того, на его примере можно проанализировать отличия в концептуализации эмоций в разных языках. Так, в украинском языке существуют два близких, но не тождественных по значению слова **любов**, **кохання**, коррелятом которых в русском языке является слово **любовь**. *Цель* предпринимаемого исследования заключается как в выявлении семантических корреляций между указанными языковыми единицами, так и в экспликации амбивалентности концептуального содержания, соотносимого с ними носителями украинского и русского языков при соблюдении принципа психологической релевантности.

В связи с необычайной сложностью проблемы концептуализации эмоций и неосознанностью – или неполной осознанностью – принятых в социуме поведенческих установок [см.: 4, с. 341], а также амбивалентностью соответствующих концептуальных структур, особую *актуальность* приобретает проблема выбора такого метода исследования, который позволил бы эксплицировать все многообразие содержания, стоящего за их языковыми обозначениями.

Содержательный анализ концептов является непростой задачей, требующей от лингвиста четкого и продуманного отбора необходимого материала, а также последовательности в применении методов его анализа. Е. Березович указывает на существующую «разногласицу стартовых позиций различных исследователей и исследовательских коллективов, на несовпадение подходов к отбору и объема материала, а также на различия излюбленных сфер анализа и самой процедуры последнего», что в результате может приводить к различным выводам относительно содержания одного и того же концепта [2, с. 145].

Предположение о возможности проведения таких исследований психолингвистическими методами высказывается в трудах У. Эко, с точки зрения которого «все проблемы коннотаций – это сфера психолингвистики, и вовсе не потому, что коннотации могут быть сведены к психологическим событиям и

не поддаются структурированию через оппозиции, но, напротив, для того чтобы выявить эти коннотативные оппозиции, требуется опыт психолингвистики...» [6, с. 375].

Представляется, что методом, позволяющим получить психологически релевантные результаты, является ассоциативный эксперимент (АЭ). При восприятии слова-стимула происходит активация соответствующей единицы ментального лексикона говорящего, связанной как с другими единицами лексикона, так и со стоящими за ними концептуальными структурами. Поскольку элементы концептуального уровня находят свое отображение в связях ментального лексикона, ассоциативные связи между словами детерминированы всей познавательной деятельностью человека. Таким образом, анализ полученных реакций делает возможной как реконструкцию строения и содержательных характеристик анализируемого концепта, так и экспликацию его амбивалентности.

У. Эко пишет также о другом заблуждении, характерном «для попыток содержательного анализа, про которых значения, вложенные в сообщение самим ученым и обусловленные всем его культурным багажом и классовой принадлежностью, рассматриваются как объективное содержание сообщения» [6, с. 374]. Интересный пример такого анализа находим в одной из ранних работ А. Вежбицкой. Первоначально ею была предложена такая дефиниция слова **kocha** 'любит': «стремится делать добро» [8, с. 94]. Однако в примечании на той же странице Вежбицкая указывает, что этот текст был написан ею двумя годами ранее, а в настоящий момент она думает, что, возможно, следовало бы определить значение данного слова не как «стремится приносить кому-то добро», а как «стремится становиться чьим-то добром» или же «стремится давать себя кому-то»; но и эта экспликация, – замечает она, – вызывает серьезные трудности и возражения [8, с. 94].

Как представляется, использование метода АЭ поможет избежать опасности истолкования определенного концепта сугубо сквозь призму личного опыта исследователя, поскольку снабжает его материалом, полученным от различных носителей данного языка и культуры, материалом, которому необходимо найти объяснение. Поэтому замечание Е. Березович о «важности учета социолингвистических характеристик языкового материала, привлекаемого к концептуальному анализу» [2, с. 160] является абсолютно справедливым.

Материал, привлекаемый для анализа в данной статье, не является однородным. С одной стороны, были использованы данные «Русского ассоциативного словаря» [см.: 5], с другой – результаты АЭ, проведенного с носителями украинского языка. В РАС представлены результаты АЭ, проведенного, в основном, со студентами 1-3 курсов [см.: 5, с. 3]; реакции на стимулы подаются без гендерной дифференциации материала. Кроме того, материал, используемый в данной статье, отличается и в количественном отношении, поскольку для стимула **любовь** приводится 106 реакций, полученных от носителей русского языка [5, с. 303], а данные АЭ, проведенного с носителями украинского языка, включают 101 мужскую и 105 женских реакций на стимул **любовь** (всего 206) и по 98 мужских и женских реакций (всего 196) на стимул **коханья**, причем возраст респондентов колеблется от 16 до 60 лет. В связи с этим сопоставление украинского и русского материала проведено не по всем теоретически возможным параметрам.

Анализ реакций, представленных в РАС, позволил эксплицировать несколько более или менее типичных моделей данного концепта, которые могут в отдельных случаях частично пересекаться друг с другом. Ю.Д. Апресян пишет, что «из возможных, часто взаимно исключающих друг друга образов любви, представленных в языковых клише, пословицах и поговорках, художественной прозе и поэзии, центральным в русской языковой картине мира (может быть, не только в ней) является образ идеальной любви. Идеальная любовь мыслится в русском языке как исключительно сильное и глубокое чувство, во многом необъяснимое и драматическое, испытываемое однажды в жизни по отношению к единственному человеку другого пола и сопровождаемое уверенностью субъекта, что в мире нет другого человека, который любил бы его предмет с такой же силой, как любит он сам, связанное с наличием физической близости или стремлением к ней и обычно взаимное, поднятое над бытом и способное дать человеку ощущение счастья» [1, с. 81].

По-видимому, экспликацией признаков «идеальной» модели являются реакции **любовь до гроба** 8; *верная, вечная, и верность, искренняя, неземная, чистая* 1 и др. [5, с. 303]. Однако наиболее частотной в эксперименте с носителями русского языка оказывается реакция, эксплицирующая другую модель этого чувства – *с первого взгляда* 9 [5, с. 303]. Если учесть также встречающийся вариант ее написания *с 1-го взгляда* 1 [5, с. 303], то общее количество реакций, эксплицирующих данную модель, составит 9,4%. Модель «любви с первого взгляда» не находится в противоречии с предыдущей и вполне с ней совместима, хотя и обладает относительной автономностью. Не следует также смешивать модель «идеальной любви» с другой, хотя и близкой, моделью, эксплицируемой реакцией *настоящая* 1 [5, с. 303], которая, по-видимому, обозначает соответствие существующим неписаным правилам относительно того, каким это чувство должно быть. Однако вряд ли модель «настоящей любви» включает обязательное требование, чтобы это чувство было неземным. Помимо перечисленных, было эксплицировано еще несколько субмоделей, например: *платоническая* 2, *первая* 1 и др. [5, с. 303]. Амбивалентность данного концепта проявляется в экспликации субмодели *безответная* 2 [5, с. 303].

Кроме того, об амбивалентности данного концепта свидетельствуют реакции, выражающие различные оценочные характеристики: *глупость; стоит того, чтобы ждать* 1 и др. [5, с. 303], – а также эксплицированные связи с другими концептами, зачастую находящимися друг с другом в оппозитивных отношениях: *счастье* 3; *горе, радость* 2; *вера, жизнь, ложь, отлично, смерть, страдание* 1 и др. [5, с. 303]. Часть реакций эксплицирует прецедентные тексты разного происхождения, например: **любовь зла** 3; *и голуби, Яровая* 2; *морковь* 1 [5, с. 303].

Значительно меньшая часть реакций эксплицирует другие значения этого многозначного слова: **любовь к жизни, к людям** 1 [5, с. 303], – что свидетельствует об их меньшей значимости для респондентов (вспомним в связи с этим о возрастных психологических особенностях).

Как уже отмечалось, в украинском языке концептуализация данного чувства-отношения осуществляется в двух словах **любов** и **коханья**. Полученные реакции обнаруживают их тесную взаимосвязь, поскольку они вызывают друг друга в качестве наиболее частотной реакции: **любов коханья** 23 (11,2%; отмечены также реакции *близько до коханья; те саме, що коханья* 1), **коханья любов** 21 (10,7%).

Реакции на стимул **любов** эксплицируют многозначность данного стимула значительно чаще, чем в АЭ с носителями русского языка, что может объясняться как наличием в украинском языке более «специализированного» слова **коханья**, так и различным возрастным составом групп респондентов в описанных экспериментах, например: **любов до ближнього** 3; *батьків, батьківська, до батьків, до Батьківщини, до близьких, до людей* 2; *до ближніх, до вулиць, до людини, до матері, до неба, до рідної землі* 1. На стимул **коханья** таких реакций отмечено немного, например *Україна* 1, где реакция называет объект, предполагающий высокую интенсивность чувства-отношения.

Идеальная модель эксплицирована реакциями на стимул **любов** *вічна* 8; *велика* 2; *єдина, чиста* 1 и др., а также на стимул **коханья**: *вічне* 7; *велике* 5; *назавжди* 2; *вище неба, вічно-безмежне, навіки* 1 и др. Реакция, эксплицирующая модель «любви с первого взгляда», отмечена только на стимул **коханья** *з першого погляду* 2, что свидетельствует о меньшей значимости или меньшей распространенности этой субмодели в сознании носителей украинского языка (ср. примеры из РАС выше). Остальные субмодели представлены, в частности, такими реакциями: **коханья** *перше* 2; *справжнє* 1; **любов** *без взаємності* 1 и др. Амбивалентность проявляется в реакциях, эксплицирующих как различные субмодели, так и различные оценочные характеристики данного чувства: **любов** *взаємна, добра, зрада* 2; *без взаємності, біль, блаженство, вірна, дивацтво, дурна, прекрасно, рай* 1 и др.; **коханья** *зрада* 5; *взаємне* 4; *прекрасне* 3; *біль, брехливе, вище неба, вірність, добре, добро, класно, найкращі почуття, неправда, немає, нереально, психічна хвороба, радість, розчарування, чудово* 1 и др.

Интересные особенности можно пронаблюдать в расстановке приоритетов в зависимости от пола респондентов. Так, среди мужских реакций на стимул **коханья** реакция *секс* 6 находится на втором месте по частотности, отмечена также реакция *статевий акт* 1 (всего 7,2%). Среди женских аналогичные реакции на данный стимул отсутствуют, зато есть реакция *друг* 1, не имеющая аналогов среди мужских реакций. Второе место по частотности среди мужских реакций на стимул **любов** занимает реакция *секс* 4 – 3,96%; у респондентов женского пола встречается единичная реакция *секс* – 0,96%, а реакция *дружба* 4, аналогов которой не отмечено среди мужских реакций, встречается в 4,08% случаев. В то же время стимул **коханья** вызвал у респондентов мужского пола реакцию *подружжя* 3 в 3,06% случаев, а у респондентов женского пола отмечена только одна реакция *шлюб* – 1,02%. На стимул **любов** были отмечены реакции *весілля, дружина, обов'язок* 1 (всего 2,97%) среди мужских и референтно неопределенная реакция *сім'я* 3 (2,86%) среди женских.

Выводы. Таким образом, ассоциативные реакции позволяют эксплицировать особенности концептуализации эмоций в разных языках, а также выявить амбивалентность соответствующих концептов при соблюдении принципа психологической релевантности. Кроме того, ассоциативные реакции позволяют эксплицировать как возрастные, так и гендерные особенности концептуальной картины мира носителей языка и культуры.

Литература:

1. Апресян Ю.Д. Многозначность и синонимия слова ЛЮБИТЬ // Etnolingwistyka: problemy języka i kultury / Pod red. J. Bartmińskiego. – Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2000. – С. 77-95.
2. Березович Е. Аксиологические ориентиры в зеркале различных форм существования языка // Język w kręgu wartości. Studia semantyczne / Pod red. J. Bartmińskiego. – Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2003. – С. 145-161.
3. Вежбицкая А. «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: «Языки культуры», 1999. – С. 503-525.
4. Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997. – С. 326-375.
5. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – РАС.
6. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – ТОО ТК «Петрополис», 1998.
7. Apresian Ju.D. Językoznawstwo teoretyczne, modele formalne języka i leksykografia systemowa // O definicjach i definiowaniu / Pod red. J. Bartmiński, R. Tokarski. – Lublin: Wyd-wo UMCS, 1993. – С. 9-33.
8. Wierzbicka A. Kocha, lubi, szanuje. Medytacje semantyczne. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1971.
9. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. – New York-Oxford: Oxford University Press, 1992.